

ВАДИМ АРИСТОВ

DOI:10.38210/RUSTUDH.2021.3.18

Древняя Русь в украинской историографии (2000–2020): контексты и достижения¹**Old Rus' in Ukrainian Historiography (2000-2020): Contexts and Achievements**

The article gives a survey of the most important studies in the Ukrainian historiography of 2000 - 2020 dedicated to Kyivan Rus. The survey is preceded by a brief analysis of the political and intellectual context in which the scholars conducted their research. The main text is divided into sections according to the spheres of the studies. These are: the history of Early Rus; Old Ruthenian historiography; the social and religious history of Rus; the Galician-Volhynian lands and Volhynian historiography in the 13th century; and construction of the memory of Kyivan Rus in the Late Medieval, Early Modern and Modern Ukrainian and Russian traditions. Emphasis is placed on ground-breaking books and articles which significantly change our understanding of the sources and may serve as a foundation for the reshaping of the historical narrative about eastern Europe in the (Early) Middle Ages. It is concluded that during the first two decades of the third millennium study of Old Rus in Ukraine became a solid and innovative discipline.

Key words: Kyivan Rus, Ukrainian historiography, chronicle writing, source studies, historical memory.

Vadym Aristov – PhD, Senior Research Fellow at the Institute of Ukrainian History (Kyiv)
E-mail: aristov3000@ukr.net. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3094-8850>

¹ Citation: VADIM ARISTOV, “Drevniaia Rus' v ukrainskoi istoriografii (2000–2020): konteksty i dostizheniia” [Old Rus' in Ukrainian Historiography (2000-2020): Contexts and Achievements], *RussianStudiesHu* 3, no. 2 (2021): 29 pp. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2021.3.18

Этот очерк посвящен исследованиям Древней / Киевской Руси² в украинской историографии 2000–2020 гг. Он имеет существенные ограничения. Во-первых, в нем не будет обзора археологических исследований. Эта сфера может похвастаться солидными достижениями, динамично развивается и сулит немалые открытия в будущем. Здесь же пойдет речь об исторических работах в узком смысле, основанных на анализе, в первую очередь, письменных источников.

Во-вторых, перед читателем не библиографический справочник. Очерк не претендует на охват всех украинских работ о предмете за 2000–2020 гг.: рассматриваются в основном монографические труды и лишь в ряде случаев – статьи. Здесь представлен краткий обзор важнейших достижений и тенденций, которые будут определять развитие древнерусских студий в Украине и мире в краткосрочной и, есть основания думать, долгосрочной перспективе. Задача текста – обозначить главные точки приращения знания и существенные изменения представлений как о древнерусском прошлом, так и об источниках, из него происходящих.

Но прежде чем дать описание исследовательской деятельности, надлежит сделать несколько отступлений об ее "окружающей среде" – публичных и академических контекстах, в которых она осуществляется.

Контекст 1: вненаучный и околонаучный

История Киевской Руси в Украине активно инструментализируется³. Ее главной "областью применения" в публичном пространстве является ее "национализация".

² "Древней Русью" в хронологическом смысле следует называть период от появления военно-торговых групп руси в VIII–IX вв. до монгольского завоевания Восточной Европы, с "расширением" до середины XIV в., когда происходит дезинтеграция и трансформация домонгольских политических, социально-экономических и церковных структур. Соответственно понятие "древнерусский" распространяется на всю совокупность явлений, относящихся к "Руси" или "руси" во всех многочисленных значениях этих понятий в указанное время. Настолько же условное обозначение "Киевская Русь" и прилагательное "киеворусский" почти синонимичны терминам "Древняя Русь" и "древнерусский", хотя имеют ряд отличий в акцентах и рамках. Их не удастся применить к периоду VIII–X вв., для которого корректнее говорить о "ранней руси". Тогда Киев еще не стал центром той масштабной политико-символической системы, которую обычно и имеют в виду под "Киевской Русью". С 1240-х гг. Киев уже перестал (точнее, переставал – до конца XIII в.) быть таким центром. Соответственно на отрезке с середины XIII в. до середины XIV в. о Киевской Руси и "киеворусском" уже говорить сложно. Кроме того, если "Древняя Русь" имеет больше хронологические и культурные коннотации, то "Киевская Русь" – скорее, политические.

³ Г. КАСЬЯНОВ, *Past Continuous: історична політика 1980-х - 2000-х. Україна та сусіди* (Київ: Laurus, 2018), 26–28.

Палитра взглядов на место Древней Руси в украинской истории в рамках указанного процесса широка: от признания Руси составляющей украинского наследия с учётом её средневековой специфики и отказом от анахронистических оценок до изображения киевской державы как исключительно украинского государства едва ли не в современном смысле слова (или даже – украинской империи).

Киевская Русь приобретает все большее значение в формировании украинской национальной идентичности, выступая в качестве начала традиции государственности и цивилизации. Поскольку Древняя Русь давно вписана также в российскую историческую память, возникает запрос: обосновать ее приоритетную принадлежность украинской истории и заставить конкурента признать свое вторичное и относительно позднейшее происхождение. В этом состязании легко увидеть продолжение на новом уровне и в новых условиях старого “спора южан и северян”, продолжающегося с перерывами еще с первой половины XIX в.: о том, кто есть “настоящая Русь” и кто жил в древнем Киеве⁴.

Полемический характер памяти о Руси обуславливает ее селективность. В публичный оборот попадают преимущественно такие темы, по которым можно и нужно спорить с российской стороной. Например, название “Русь” могут защищать от притязаний соседа, якобы не знакомого с ним до XVIII в.; крещение Владимира Великого переносить из Крыма в Киев; Андрея Боголюбского провозглашать инициатором первой российской войны против Украины и т.п. Нетрудно заметить, что в тени остаются многочисленные яркие темы, не имеющие значения в украинско-российской исторической тяжбе. Но они публике пока малоинтересны. Ими занимаются ученые.

Персонажи и события Киевской Руси становятся объектами дебатов, выходящих на дипломатический уровень. Например, о национальной принадлежности Владимира Крестителя или Анны Ярославны. При этом предлагают выбирать только из двух

Об инструментализации Средневековья в XIX в. см. сборник: JANOS BAK, PATRICK GEARY AND GABOR KLANICZAY (eds.), *Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteen-Century Europe* (Leiden; Boston: Brill, 2014). DOI: [10.1163/9789004276819](https://doi.org/10.1163/9789004276819)

⁴ Анализ этой полемики в середине XIX в. см.: А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия в XIX веке* (Киев: Laurus, 2012), 207–235. О Михаиле Грушевском и появлении национального нарратива украинской истории см.: SERHI PLOKHU, *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the writing of Ukrainian history* (Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005) DOI: [10.3138/9781442682948](https://doi.org/10.3138/9781442682948); Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 11–45.

современных опций: украинская или русская. Такая постановка вопроса, естественная для дискурса национальной историософии, не укладывается в научные рамки. И когда специалиста просят откомментировать подобный сюжет, от него ожидают “едино правильного” и предполагаемого в самом вопросе ответа.

Каким бы ни был характер обращения к историку за разъяснениями о Руси и в независимости от источника запроса (медиа, государственные структуры, общественные организации), круг и акцент вопросов, как правило, соответствует политической повестке. По мере включения в такой “диалог с обществом” внимание ученого неизбежно смещается с собственно исследования прошлого на его (пере)кодировку в рамках заданного политической повесткой исторического нарратива.

На неофициальном уровне Киевская Русь активно используется в рамках псевдо-исторического дискурса, который получил большое распространение в пост-советских государствах. Усугубилось это явление с развитием Интернета. Исходный тезис большинства псевдо-исторических текстов заключается в том, что “официальная наука” “что-то скрывает”, а источники “сфальсифицированы”. Но именно авторы таких текстов сами предлагают настоящие фальсификации и фиктивные образы прошлого. Это и составляет “методологию” псевдо-истории.

Самым ярким событием в украинской псевдо-истории стал выход книг Владимира Билинского, начиная с “бестселлера” “Страна Моксель”. Концепция Билинского построена на синтезе старых идей польских эмигрантов (прежде всего, Францишека Духиньского) о принципиально неславянском, финско-монгольском, происхождении русских (москвитов; в интерпретации автора - “мокши”) и “новой хронологии” печально известных российских авторов Носовского и Фоменко. Ключевую роль в построениях Билинского играет утверждение о фальсификации древнерусских летописей при Екатерине II, а следовательно и о ложности всей истории Руси.

Идеи Билинского об “украденной истории”, “фальсифицированных летописях”, “тайной комиссии Екатерины” и “русских-мокше” стали настолько популярны, что можно говорить о возникновении на наших глазах нового украинского исторического мифа. Интересно, что он построен не столько на утверждении образа “себя”, сколько на развенчании и отрицании образа “конституирующего Другого”.

Появление массовых исторических мифов, публичные войны за Киевскую Русь мало влияют на “внутреннюю” деятельность профессионального сообщества, по крайней мере – его части. Академические исследования в идеале определяются научной, а не политической, актуальностью. Однако, мифы и “бои за историю” (отнюдь не в февровском смысле) формируют общественные ожидания, если не сказать – требования, от работы ученых. И не каждому удастся “не прогнуться под изменчивый мир”.

Киевская Русь остается удобным предметом околонуучных текстов, под которыми здесь понимаются лишь формально научные “труды”, лишенные интеллектуальной ценности, дилетантские, зачастую нарушающие элементарные этические требования.

Классическим примером околонуучного “опуса” была “История Украины” с древнейших времен в трех томах, изданная в 2003–2005 гг. и якобы написанная будущим спикером Верховной Рады Владимиром Литвином. Как выяснилось, этот объемистый текст создавался методом неприкрытого и неряшливого плагиата⁵.

Обобщающий и не претендующий на открытие трехтомник достаточно было публично высмеять. Но появление диссертаций, построенных на аналогичных принципах, стало делом нешуточным.

В 2018 г. была успешно защищена диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук на тему “Педагогические идеи христианского воспитания подростков Киевской Руси (конец X – середина XIII столетия)”. Это был синтез дилетантства и плагиата, на появление которого академическое сообщество отреагировало быстрым и жестким заявлением⁶.

Более скандальным происшествием стала защита диссертации на соискание степени доктора исторических наук Петром Ющенко в 2019 г. В этом произведении, посвященном наследию Киевской Руси в украинской исторической памяти,

⁵ О. Толочко, Н. Яковенко, “Потрапили в історію”, *Критика*, no. 7-8 (2006).

⁶ *Historians*, 10 May 2018, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2462-kolektivne-zvernennya-istorikiv-shchodo-proyaviv-akademichnoji-nedobrochesnosti-v-disertatsiji-i-v-derev-yanko> (Accessed June 30, 2021)

откровенный плагиат и дилетантизм оказались “в одном флаконе”. Специалисты и коллеги по цеху снова объединились для заявления о недопустимости присвоения учёной степени за такой текст⁷.

Указанные одиозные случаи (и подобные им, но не имеющие такой огласки), с одной стороны, засвидетельствовали слабость системы, утверждающей в правах новых “ученых”. Но с другой стороны, реакция академического сообщества показала его твердую позицию по защите дисциплины от девальвации.

Контекст 2: научный

В условиях ограниченности источников и обширности “вторичной литературы” особую силу приобретают традиции толкования древних текстов и построения рассказа о прошлом. Эти традиции зачастую имеют не вполне научное происхождение, но обретают респектабельность благодаря многократному воспроизведению.

Очевидным примером такого рода может быть описание истории Руси IX–X вв. “по летописи” – легендарной части “Повести временных лет”. Со времен Карамзина нарративы о Руси начинались “от Рюрика”, во всяком случае с IX в. Сведения источников прочитывались в “государственном ключе”: полулегендарные предводители русов (например, Аскольд или Олег) представлялись основателями и первыми правителями “государства”. Такой образ истории до последнего времени доминировал в профессиональной историографии и засел в школьных учебниках и программах тестирования выпускников. Как заметил Алексей Толочко, критический пересмотр легендарной истории Руси затянулся, поскольку наивное прочтение летописи давно утвердилось в восточноевропейских историографиях⁸. Только в последние годы ситуация стала принципиально меняться (см. ниже).

К числу таких же “длительных” научных традиций можно отнести представление о Киевской Руси как феодальном государстве. Она сформировалась в советские времена и стала официальной. Концепция “русского феодализма” вписывала владения

⁷ *Historians*, October 02, 2019, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2669-vidguk-na-disertatsiyu-na-zdobuttya-naukovogo-stupenyu-doktora-istorichnikh-nauk-yushchenka-petra-andrijovicha-kievoruska-spadshchina-v-istorichnij-pam-yati-ukrajinskogo-suspilstva-khii-pochatok-khkhhi-st> (Accessed June 30, 2021)

⁸ А. П. Толочко, *Очерки начальной руси* (Киев: Laurus, 2015), 9–10.

Рюриковичей в общемировой исторический процесс смены социально-экономических формаций. Кроме того, Древняя Русь как феодальная держава оказывалась ничем не хуже современных ей “стран Запада”, стадийно не отсталой страной.

Взгляд на Русь как феодальное государство предполагал идею о "феодальной раздробленности" как необходимом этапе эволюции, приходящем на смену “раннефеодальной монархии”. С падением Советского Союза концепция феодализма Руси была маргинализована. Впрочем, не только (не столько?) по научным, но и идеологическим и этическим соображениям. Чем было заменить привычную схему? В украинской историографии одно из решений предложил Николай Котляр, выдвинув концепцию "удельной раздробленности"⁹. Причины её учёный находил не только в экономической, но и в политико-правовой плоскости. Появление князей-изгоев в конце XI в., по его мнению, актуализации принципа отчины, т.е. права владения землей отца. Когда борьба за внедрение этого принципа в практику княжеского права успешно завершилась (с середины XII в.), некогда “централизованная монархия” Руси превратилась в “федерацию”, а потом и “конфедерацию”, княжеств¹⁰. Фактически Котляр модифицировал концепцию "феодальной раздробленности", изменив её название, акценты и систему аргументации.

Общая схема развития государственности Руси "единодержавие – раздробленность" оказалась куда устойчивее, чем "феодальная теория". Дело в том, что эта схема была значительно древнее, и уходила корнями ещё в раннемодерные тексты.

В качестве третьего примера влиятельной историографической традиции можно назвать концепцию "древнерусской народности". Она оформилась в советской науке и служила мощным идеологическим инструментом – исторически обосновывала необходимость единства “трех братских народов” (русских, украинцев и белорусов). Это качество превратило концепцию в изгоя украинской историографии (и публичной истории) последних десятилетий. В период очередного национального возрождения после распада СССР мысль о братстве народов оказалась идеологически неприемлемой и даже опасной. В этом случае мы также имеем дело с концептуальной матрицей, которая

⁹ Н. Ф. КОТЛЯР, *Удельная раздробленность Руси* (Киев: Институт истории Украины, 2013).

¹⁰ Н. Ф. КОТЛЯР, *Удельная раздробленность Руси*, 152–172.

гораздо старше идеи “древнерусской народности” образца XX в. Это опять таки еще раннемодерный, донаучный, воплощенный в киевском “Синописе” XVII в., конструкт “народа славено-российского”, разделившегося на малорусскую и великорусскую ветви.

Попытку обоснования применимости концепции “древнерусской народности” в научном дискурсе предпринял Петр Толочко. Ученый пришел к выводу о наличии выразительных черт единства (в материальной культуре, в языке, политических, экономических связях и “национальном сознании”) у восточных славян домонгольского времени¹¹. Вместе с тем, в последние десятилетия прозвучали призывы сменить подходы к проблеме этнической истории Руси. По предложению Алексея Толочко, вместо поисков “народности” в строго этническом смысле (или отсутствия таковой) следует сосредоточить внимание на пересмотре нарративных установок средневековых источников (повествующих об “этнических” общностях) и применить наработки исследователей нациогенеза, в частности инструментарий концепции “воображенных сообществ”¹².

Еще один пример долгоиграющих традиций можно найти в сфере изучения летописания, в среде продолжателей работ Алексея Шахматова. Следуя образцу российского филолога, поколения исследователей заостряли внимание на “утраченных” “летописных сводах”, а обсуждение предмета превращалось в разговор о виртуальных текстах. Особенно рельефно это проявилось в отношении раннего летописания, предшествовавшего созданию “Повести временных лет”¹³.

На протяжении XX в. украинская историография пережила разрыв, прежде всего, вследствие катастрофических преобразований научных институций и репрессий в сталинскую эпоху. В независимой Украине изучение киеворусского прошлого ещё с 1990-х годов стояло перед выбором пути развития. С одной стороны, открывалась

¹¹ П. П. Толочко, *Древнерусская народность: воображаемая или реальная* (СПб.: Алетейя, 2005), 99–200.

¹² А. П. Толочко, “Воображенная народность”, *Ruthenica* 1 (2002): 112–117. См. также: OLEKSIY TOLOCHKO, “The Primary Chronicle’s ‘Ethnography’ Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus’ State”, in *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*, ed. ILDAR GARIPZANOV, PATRICK GEARY, PRZEMYSŁAW URBANCZYK (Brepols Publishers, 2008), 169–186. DOI: [10.1484/M.CURSOR-EB.3.3240](https://doi.org/10.1484/M.CURSOR-EB.3.3240)

¹³ В украинской историографии 2000–2020 гг. наиболее крупной работой, развивающей шахматовские положения, можно назвать книгу: П. П. Толочко, *Русские летописи и летописцы X–XIII вв.* (СПб.: Алетейя, 2003). Украинская версия: П. П. Толочко, *Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст.* (Київ: Наукова думка, 2005).

перспектива возрождения досоветской традиции (с её стилистикой и исследовательской повесткой), а также привлечения наработок диаспорных учёных. С другой стороны, была возможность остаться в связке с российской (не прерывавшейся, несмотря на все потрясения) традицией изучения Древней Руси.

И "возрожденческая", и "консервативная" стратегии были чреваты отставанием, вторичностью и провинциализацией украинской исторической мысли вследствие воспроизведения "принятых", а иногда и освященных академическим и/или национальным преданием, концепций, нарративов, методов.

Обе указанных стратегии нашли сторонников. Но здесь важнее остановиться на третьем пути развития, наименее зависимым от существующих или возрождаемых традиций. Научная историография, особенно в областях с ограниченным кругом источников и избытком объяснительных схем, нуждается в постоянном критическом пересмотре своего знания и его методологических основ. Другим важнейшим залогом прогресса в таких областях является отстранение или дистанцирование от известных "школ мысли" для возвращения "к самим фактам".

Ярким воплощением этого пути развития украинской киеворусистики стало сообщество, сложившееся вокруг Центра исследований истории Киевской Руси (в Институте истории Украины Национальной академии наук в Киеве). В 2002 г. его возглавил Алексей Толочко, а при Центре начал издаваться ежегодный альманах "Ruthenica".

На сегодня по сравнению с началом 2000-х украинская историография Киевской Руси выросла числом своих представителей. Она территориально расширилась и вышла за рамки институций в старых интеллектуальных центрах – Киеве и Львове. К примеру, образовался ивано-франковский кружок исследователей при Прикарпатском национальном университете, формируемый Мирославом Волощуком; в Черновицком национальном университете работает Александр Филипчук. Помимо структур Национальной академии наук и университетов, изучением древнерусского прошлого занимаются при музеях и заповедниках (например, Национальный музей истории Украины, Национальный заповедник «София Киевская», Национальный заповедник «Киево-Печерская Лавра», Национальный архитектурно-исторический заповедник

«Чернигов древний», Национальный заповедник «Древний Галич»). Некоторые из этих учреждений выпускают периодические издания по древнерусской истории. В работах их сотрудников основное внимание сосредоточено, естественно, на “своих” объектах или музейных коллекциях, но в то же время затрагиваются и общие вопросы древнерусской истории. Помимо узкопрофильных специалистов можно говорить и о значительном числе “ситуативных” киеворусистов¹⁴.

В дальнейшем изложении речь пойдет о важнейших, как представляется, сферах производства нового знания о древнерусской истории в украинской историографии 2000–2020 гг.

Освобождение начальной руси

История ранней руси VIII–IX – X вв. традиционно “разорвана” между археологией и историей. И если со стороны археологии наблюдается постоянный прирост и уточнение знания за счет добывания новых материалов, то круг письменных источников исчерпан. В обобщающих и специальных работах по этой теме до последнего времени ощущалось господство летописного нарратива в его фактически еще донаучной интерпретации. Привычная схема не только довлела над умами историков, но и наделяла смыслом факты археологии. При обращении к тем или иным материальным свидетельствам, неотрефлексированная традиция заставляла “оглядываться” на летописные даты и события (“призвание варягов” 862 г., приход Олега в Киев 882 г. или “восстание” древлян 945 г. и т.п.) и “обрамлять” археологическое исследование справками из летописи.

Решительным пересмотром такого состояния дел явились “Очерки начальной руси” Алексея Толочко. В этой книге автор написал историю ранней руси (как общности) без опоры на первую русскую хронику “Повесть временных лет” (ПВЛ), используя лишь письменные источники IX–X вв., а также материалы археологии.

Анализ анахронизмов и литературных заимствований, выявление нарративных конструкций и искусственности хронологии позволил Алексею Толочко сделать вывод о том, что ПВЛ не является, строго говоря, источником для изучения истории IX–X вв.

¹⁴ Аналогичный термин “ситуативные литуанисты” уже употреблялся при анализе украинской историографии Великого княжества Литовского. К. В. КИРИЧЕНКО, “Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991 – 2003/4: основні тенденції”, *Ruthenica* 4 (2005): 218.

Она создана во втором десятилетии XII в., через 250-150 лет после описанных в её начальной части событий. Автор хроники, игумен Выдубицкого монастыря, Сильвестр, создавал историю Руси на основе переводных византийских хроник, византийско-русских договоров X в., отдельных смутных преданий и собственного вымысла, изрядно подпитанного нарративными моделями из библейских и хронографических текстов¹⁵. Перечитывание источников IX–X вв., по преимуществу византийских и арабских, с учётом новейших археологических материалов позволило исследователю сделать очерк, очищенный от толкований легендарной истории.

Перечитывание источников позволило автору отказаться от многочисленных гипотез, которыми изобилует ранняя история Руси: например, о “каганате русов” IX в., о связи русов, встреченных ибн-Фадланом на Волге с Киевом, о связи днепровских русов с хазарами и даже о киевском происхождении участников походов на Византию 860 и 941 гг¹⁶. Согласно выводу Алексея Толочко, днепровскую русь конца IX–X вв. следует представлять как “торговую компанию”. Взгляд на неё как государство (пусть формирующееся) будет неоправданным анахронизмом¹⁷. Это была одна из группировок руси – специфически восточноевропейской профессиональной общности северногерманского (норманского) этнического происхождения, занимавшейся “дальней торговлей”. Ее жизнедеятельность была основана на экспорте в Византию рабов (в меньшей степени – мехов и других “северных” товаров) и получении взамен шелка. Через посредничество других русов днепровская “компания” была “подключена” к “серебряному пути” в мусульманские края. Благосостояние и само выживание русов зависели от источников монеты и дорогих тканей – стран Ближнего Востока и Средней Азии, а также Византии. Собственно, русь возникла с началом чеканки дирхемов в Арабском Халифате в середине VIII в. В связи с затяжным “серебряным кризисом” второй половины X в. она исчезла в прежнем виде.

В то же время, как подчёркивает учёный, только киевская (среднеднепровская) русь смогла не только трансформироваться в условиях кризиса, но и превратиться в территориальную политическую структуру – Русь с большой буквы¹⁸.

¹⁵ А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 17–68, 98–100.

¹⁶ А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 103–187.

¹⁷ А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 103–112.

¹⁸ А. П. Толочко, *Очерки начальной руси*, 297–301.

Итак, история начальной руси освободилась от оков летописного нарратива и производных от него историографических схем.

Незадолго до “Очерков” вышла книга черновицкого историка Александра Филипчука об истории ранней руси в свете византийских источников¹⁹. Наши знания о руси IX – X вв. распадаются на несколько блоков, происходящих из арабских, латинских и византийских текстов. Византийский блок оказывается наиболее репрезентативным для истории днепровских русов, поскольку их деятельность была направлена, главным образом, в сторону «греков». Кроме того, византийские и русские источники оказываются тесно связанными между собой.

Главным достижением Филипчука в этой книге стал пересмотр известных византийских текстов о руси (в частности, «Житие Георгия Амастридского», «Наумахика» Льва VI Мудрого, "Про управление империей" и "О церемониях византийского двора" Константина Багрянородного, договоров с русью, исторических нарративов Иоанна Скилицы и Льва Диакона). Автор уточняет датировку, происхождение и информационный потенциал этих источников; предлагает реконструкцию отраженных в них эпизодов византийско-русского взаимодействия (торговли, войн, найма, дипломатических контактов). В отдельной главе подробно проанализировано положение русов в Византии. Особое внимание автор уделяет описанию приема Ольги при императорском дворе из трактата "О церемониях" и тексту договора Игоря с греками. Эти источники дают материал для изучения просопографии днепровской руси и структуры ее элиты в середине X в. Также исследователь погружается в дискуссию о дате и обстоятельствах крещения Ольги; доказывает датировку визита княгини в Константинополь 946 годом²⁰.

Книга Александра Филипчука являет пример успешного византинистического исследования о Руси. Именно такой подход оказывается единственно возможным,

¹⁹ О. Филипчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни* (Чернівці: Книги – XXI, 2013).

²⁰ О. Филипчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*, 306–386, 402–409.

поскольку история русско-византийских отношений IX – X вв. неминуемо превращается в изучение византийской литературы²¹.

Мост между раннерусской археологией в ее северноевропейском контексте и собственно историей проложен в серии работ Федора Андрощука. В работе «Vikings in the East»²² ученый предложил историко-археологический обзор истории ранней руси как восточного крыла экспансии викингов. Методологически работа позиционируется как опыт транснациональной истории²³. Норманны-русь оказались благодатным полем изучения культурного взаимодействия местных и пришлых сообществ, отражения в материальной культуре процессов формирования идентичностей, роли дальней торговли в изменениях социальной структуры и ряда других тем. Среди прочего, исследователь уделяет внимание вопросу христианизации руси и отражения этого явления в материальных объектах. При территориальном охвате от Византии до Скандинавии (неизбежном в исследовании “восточных викингов”) главным объектом книги оказывается Среднее Поднепровье, ставшее ядром Киевской Руси.

К чуть более позднему периоду истории Восточной и Северной Европы Федор Андрощук обращается в заостренной на нумизматическом материале монографии “Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035”²⁴. Она посвящена имитациям византийских монет в Скандинавии и Руси (включая Таманский анклав с центром в Тмутаракани) на рубеже X–XI вв. Спрос на имитации иностранных (византийских и, для Скандинавии, английских) монет возникает именно тогда, когда в этих странах укрепляются позиции христианства и формируются ранние государства. Монеты с надписями и изображениями правителей становятся важным инструментом трансляции идеи власти и образа властителя. Исследователь проводит типологизацию артефактов, анализ их иконографии и условий появления. Согласно его наблюдению,

²¹ О. Филиппчук, *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*, 11.

²² FEDIR ANDROSHCHUK, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)* (Uppsala: Uppsala Universitet, 2013).

Следует упомянуть и о масштабном каталоге скандинавских древностей Южной Руси, подготовленном Владимиром Зоценко и Федором Андрощуком. Ф. АНДРОЩУК, В. ЗОЦЕНКО, *Скандинавські старожитності Південної Русі: каталог* (Париж: АСНС Byz, 2012). В нем отразилось около 250 вещей, открытых в ходе многолетних раскопок, преимущественно из Среднего Поднепровья и некоторых других мест Украины.

²³ FEDIR ANDROSHCHUK, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)*, 1.

²⁴ FEDIR ANDROSHCHUK, *Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035* (Kyiv: Laurus, Paris: АСНС Byz, 2016).

древнерусские монеты распадаются на два кластера, ориентированные на разные (арабскую и византийскую) денежно-весовые системы: оригинальные, киевской чеканки, и подделки византийских милиарисиев из Тамани. Причем таманские имитации стали образцом для скандинавских²⁵. Этот факт хорошо “ложится” на материальные следы контактов Скандинавии и Причерноморья в указанное время.

Революция в источниковедении летописей

История Древней Руси страдает от “переизбытка” письменных источников, точнее – псевдо-источников, созданных воображением историков XVIII–XX вв. Исторических текстов, созданных в XI–XIII вв., мало. Этот недостаток поколения учёных пытались “исправить”, предполагая отражение утраченных древних летописей в поздних памятниках.

За двести лет научного исследования Древней Руси было два главных ресурса преумножения текстов.

Не довольствуясь сохранившимися в списках древнерусскими летописями, учёные дополняли их “сообщениями” “Истории Российской” Василия Татищева. Он якобы почерпнул их из исчезнувших рукописей. Другим кладом дополнительных источников с начала XX в. стали гипотезы Алексея Шахматова, который “реконструировал” недошедшие “летописные своды” на основании известных летописей.

Пересмотру и выяснению происхождения “татищевских сообщений” посвятил свою книгу Алексей Толочко²⁶. В первой части своего труда учёный показывает, что в распоряжении Татищева не было никаких древних исчезнувших рукописей. Он работал и известными, причем преимущественно поздними списками летописей и выписками из них. Творчески изменял их содержание и добавлял своё. Главный “источник” Татищева – Иоакимовская летопись – судя по всему, была им попросту выдумана, но аутентизирована посредством его же комментариев²⁷.

²⁵ FEDIR ANDROSHCHUK, *Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035*, 123–124.

²⁶ А. П. ТОЛОЧКО, *“История Российская” Василия Татищева: Источники и известия* (Москва: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005).

²⁷ А. П. ТОЛОЧКО, *“История Российская” Василия Татищева: Источники и известия*, 49–245.

Во второй части работы Алексей Толочко раскрывает “мастерскую” Татищева, в которой рождались известия, сбившие с толку историков. Разбору “татищевских сообщений” предшествует анализ глубокой связи вымысла с историописанием, механизмов аутентификации и структуры нарратива. Вымысел Татищева вовсе не восполнял пробелы в имеющихся летописях, “выравнивая” нарратив; он придавал связности и осмысленности сообщениям используемых летописей. Количество “татищевских известий” возрастало пропорционально объему текста источника²⁸.

Исследователь, далее, рассмотрел яркие примеры татищевских измышлений, ставших историографическими мифами. Среди них: “конституционный проект” галицко-волынского князя Романа Мстиславича, существование в древнем Киеве “училищ”, происхождение святых князей Бориса и Глеба от багрянородной Анны. Ученый вскрыл яркие анахронизмы, маркеры эпохи, в которой жил Татищев, и отразившийся в “известиях” его личный опыт²⁹.

Богатая уникальными сведениями “История Российская”, написанная в архаичном стиле хроники, создала ее автору репутацию “последнего летописца”, который более или менее добросовестно пересказывал древние манускрипты. Книга Алексея Толочко поставила точку в этом недоразумении: переквалифицировала Татищева из “летописца” в “историка”.

Если в текстах Татищева вымысел скрывался за внешней бесхитростью, то в случае Алексея Шахматова он возымел научный облик. Методы изучения и идеи Шахматова о древнейшем летописании до последнего времени определяли развитие российской, а вместе с ней и украинской, историографии в этой области. Разбору оснований шахматовской традиции посвящена книга Вадима Аристов³⁰. Автор сделал попытку поставить Шахматова как исследователя летописей в контекст современных ему европейской критики текста и дискуссий по истории летописания Руси. В книге осуществлен разбор т.н. «метода» и «схемы» Шахматова, а также рассмотрен процесс формирования академического культа ученого в первой половине XX в. Главный вывод

²⁸ А. П. ТОЛОЧКО, *“История Российская” Василия Татищева: Источники и известия*, 249–287.

²⁹ А. П. ТОЛОЧКО, *“История Российская” Василия Татищева: Источники и известия*, 288–503.

³⁰ В. Ю. АРИСТОВ, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция* (Киев: Laurus, 2018).

исследования заключается в том, что, вопреки традиционному взгляду, российский филолог строил свои реконструкции утраченных летописей на шатком методологическом основании и его творчество можно отнести к «субъективистскому крылу» тогдашней текстологии. В его построениях виртуальные, воображаемые, «летописные своды» доминировали над реально дошедшими памятниками: и численно, и по значению, которое придавал им Шахматов³¹. В результате вместо надежно засвидетельствованного текста ПВЛ начала XII в. последующим исследователям были предложены несколько гипотетических «сводов» XI в., а также три редакции ПВЛ. Яркий стиль работ Шахматова, его авторитет и положение в академических структурах, а также активность его ближайших последователей, повлияли на «канонизацию» его положений по истории раннего летописания в советской и российской историографии³².

Для «реконструкции» древних «летописных сводов» Шахматов использовал тексты поздних летописей XV–XVI вв., в частности Новгородской Первой летописи младшей редакции (НПЛмл), из которой он «извлекал» остатки «Начального свода» - гипотетического предшественника ПВЛ. Одним из важнейших критериев древности текста НПЛмл по сравнению с ПВЛ для ученого было распределение в них цитат из славянских переводов византийских хроник – Амартола и Малалы. По мнению Шахматова, в «Начальном своде» отразилась некая компиляция отрывков этих хроник (хронограф), то ПВЛ добавила к ним цитаты из их полных переводов.

Так ли это, и каково соотношение летописных и «хронографических» произведений вне концепций Шахматова? – на этот клубок вопросов свой ответ дала Татьяна Вилкул в монографии «Летопись и Хронограф»³³. Исследовательница провела трудоемкую работу по определению текстуальных связей между основными летописными памятниками (ПВЛ, Киевская летопись XII в., НПЛмл) и хронографическими текстами (Хрониками Амартола и Малалы, Александрией, «Историей иудейской войны»), а также детально рассмотрела проблему происхождения «хронографов» – древнерусских исторических компиляций, включавших отрывки переводных (главным образом, исторических) произведений.

³¹ В. Ю. АРИСТОВ, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция*, 31–150.

³² В. Ю. АРИСТОВ, *Алексей Шахматов и раннее летописание: метод, схема, традиция*, 241–287.

³³ Т. ВЛКУЛ, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського кийівського літописання* (Київ: Інститут історії України, 2015).

Принципиальным наблюдением Вилкул стало то, что в ПВЛ, вопреки Шахматову, отразились только полные переводы хроник Амартола и Малалы. Гипотеза о древнейшем хронографе оказывается не нужной³⁴. Другой важный вывод - о сложении известных хронографов не раньше XIII в., во всяком случае после ПВЛ³⁵. Заимствования из хронографических компиляций XIV–XV вв. Вилкул проследила в НПЛмл, т.е. там, где учёные шахматовской традиции видели отражение хронографа XI в. и "Начального летописного свода". Исследовательница показала, что соотношение НПЛмл и ПВЛ легче всего объясняется прямой зависимостью новгородского памятника от киевского. Происхождение текста начальной части НПЛмл, таким образом, связано с литературными событиями XIV–XV вв., а не с "летописными сводами" XI в.

Выводы исследовательницы позволяют более экономно представить историю летописания. Соотношение основных летописных текстов XII–XV вв., дошедших в рукописях XIV–XVI вв., объясняется без помощи гипотез об утраченных "летописных сводах" XI в. Текст НПЛмл, как и другие исторические произведения XV–XVI вв., можно смело вынести за скобки при рассмотрении истории начального летописания. Схема упрощается, и мы приходим к ПВЛ в единой редакции. Что было до нее - гадательно.

Кто же был автором первой хроники Руси? Этому хрестоматийному вопросу историографии посвятил специальные статьи Алексей Толочко. В одной из них исследователь наглядно показал, что традиция о "Несторе-летописце" – относительно поздняя, не опирающаяся на показания древнейших летописных текстов и берущая начало в Киево-Печерском Патерике³⁶. Идея о "Несторе-летописце" успешно переселилась в научную историографию, где была освящена такими именами, как Николай Карамзин или Алексей Шахматов. Отказывая Нестору, Алексей Толочко восстановил в правах Сильвестра, игумена киевского Выдубицкого монастыря. Его колофон, датированный 1116 г., сохранился в Лаврентьевском (и родственном) списке ПВЛ. В нем Сильвестр утверждал, что "написал летопись". Согласно наблюдениям исследователя, текстуальные маркеры Сильвестр, отраженные в колофоне,

³⁴ Т. ВІЛКУЛ, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського кийівського літописання*, 100–239.

³⁵ Т. ВІЛКУЛ, *Літопис і хронограф. Студії з текстології домонгольського кийівського літописання*, 315–438.

³⁶ OLEKSIY TOLOCHKO, "On Nestor the Chronicler", *Harvard Ukrainian Studies* 29, no. 1-4 (2007): 31–59.

прослеживаются на всем протяжении ПВЛ. Это указывает на его статус автора, а не переписчика или редактора хроники.

Источники социальной истории Руси: открытия-закрытия

Изучение древнерусского общества и его взаимодействия с правящей элитой традиционно осуществлялось на основании двух принципиально разных типов письменных источников: юридических и нарративных. Первые представлены редакциями Руской Правды, вторые – летописями. Разумеется, можно добавить жития, берестяные грамоты и некоторые другие виды письменных свидетельств. Но именно летописи и Правда служат стержнем, организующим исследовательскую мысль в сфере социальной истории. В украинской историографии первого десятилетия XXI в. появились работы, пересматривающие эти ключевые источники.

Книга Алексея Толочко "атаковала" Краткую редакцию Руской Правды³⁷. Она долгое время считалась более древней, нежели Пространная редакция, и датировалась учеными второй половиной XI в. Эта последняя сохранилась во множестве списков, древнейший из которых датируется 1280-ми годами. Пространная Правда дошла до нас преимущественно в составе сборников юридического содержания, что естественно для текста "судебника". Напротив, Краткая Правда сохранилась в списках летописи - Новгородской Первой младшей редакции. На основании анализа рукописей Краткой Правды и ее содержания и выявления анахронизмов, сличения с Пространной Правдой и рассмотрения памятника на культурном фоне XV в. исследователь переворачивает стандартное соотношение редакций. Согласно его разысканиям, Краткая Правда зависима от Пространной. Создание этого текста в Новгороде соотносится с развитием местного мифа о "Ярославовых грамотах" и распространением нового типа исторических сочинений - "летописных сводов" – компиляций, вобравших в себя различные историко-юридические "дополнения"³⁸.

Следовательно, Краткая Правда выходит из круга источников по социальной и юридической истории Киевской Руси.

³⁷ А. Толочко, *Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста* (Київ: Інститут історії України, 2009).

³⁸ А. Толочко, *Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста*, 69–71, 88–112.

"Закрытие" Краткой Правды оставляет для историка её Пространную редакцию. Учитывая датировку списков (не ранее конца XIII в.) и возможные изменения со времен первой письменной фиксации судебных правил (середина XI в.), мы, тем не менее, имеем в распоряжении источник, в квалификации которого для изучения социальной истории вряд ли стоит сомневаться.

С нарративными источниками ситуация хуже, поскольку их авторы не имели целью зарегистрировать реальное состояние (и изменения) социальной структуры. Их задача – рассказать историю любыми доступными литературными средствами.

Проблеме достоверности сюжетов про "людей" и их отношения с князьями в древнерусских летописях посвящена книга Татьяны Вилкул "“Людьє” и князь в конструкциях летописцев XI-XIII вв."³⁹. Исследовательница отказалась от "институционного" способа прочтения известий о вече, в рамках которого его понимают как "орган власти", а рассказы о нем в - как отчёты о событиях. Вилкул рассмотрела сюжеты про "людей" как продукт нарративного конструирования, особенно заметного при анализе параллельных рассказов разных летописей. Исследовательница выделила стандартные нарративные модели, в которые укладывается большинство сюжетов об активности "людей"⁴⁰. Как показано в книге, сама постановка вопроса о сущности, составе и функциях вече не вполне корректна, ведь историки работают лишь с тенденциозными и лишенными протокольной строгости рассказами. Под вопросом оказывается и сама "терминология" летописей, и собственно слово "вече". Выбор тех или иных слов / выражений, как выясняется, зависел не столько от реального состояния дел, сколько от ориентаций книжника на литературные образцы⁴¹. Более общий вывод Вилкул сводится к необходимости учёта устройства нарративов, опосредующих современного историка и социальные реалии Руси.

Демистификация церковной истории

На стыке политической и церковной истории находится книга Александра Филипчука, посвященная "забытому святому" – князю Владимиру Великому⁴². Главный вопрос её –

³⁹ Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв.* (Москва: Квадрига, 2009). Впервые книга была издана в 2007 в отдельном томе альманаха "Ruthenica".

⁴⁰ Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв.*, 113–225.

⁴¹ Т. В. Вилкул, *Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв.*, 19–112.

⁴² О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом* (Київ: Laurus, 2020).

о причинах "византийского молчания" о равноапостольном правителе и самом факте крещения князя и его страны. Как бы компенсируя это "молчание" и в силу устоявшейся традиции, ученые рассматривали Владимира и начальный период христианизации Руси в византийском (греческом) контексте при использовании преимущественно русских источников, главным образом ПВЛ. Филипчук порывает с таким подходом.

Историк отводит летопись на второй план как источник не вполне достоверный и относительно поздний. Он перечитывает византийские тексты, освещающие эпизоды взаимодействия империи с Русью рубежа X–XI вв. (военная помощь Владимира Василию II, взятие Херсона, женитьба князя на Анне, появление кратковременной "византийской вуали" киевского двора)⁴³. Исследователь привлекает внимание к незаслуженно недооцененным латинским сочинениям, упоминая Владимира и крещение Руси. В частности, это письмо миссионера Бруно Кверфуртского, лично бывавшего при киевском дворе, жития Бруно, а также хроника Титмара Мерзебургского. Перечитывание этих текстов позволяет выявить детали, ускользавшие из поля зрения историков до сих пор. Филипчук доказывает большую роль Бруно в деле христианизации Руси на начальном этапе⁴⁴.

Смена угла зрения на известные тексты позволяет Филипчуку раскрыть многовекторность политики князя. Крестившись в византийском Херсоне, он радушно принимал латинских миссионеров. Вынудив отдать ему багрянородную царевну Анну, Владимир играл собственную игру. Для ромеев он был неудобной фигурой. Византийские тексты, прямо повествующие о Владимировом крещении Руси появляются только в XIV в. и оказываются зависимыми от русской летописи.

Один из главных выводов этого исследования - бесосновательность представлений об учреждении Киевской митрополии при жизни Владимира⁴⁵. Старая и освященная авторитетом Церкви традиция о первом митрополите киевском (Михаиле ли, Леоне ли) не имеет под собой оснований. Похоже, что Киевская митрополия действительно складывается в знакомой нам форме только при Ярославе.

⁴³ О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 95–251.

⁴⁴ О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 255–409.

⁴⁵ О. Филипчук, *Забутий святий: князь Володимир Великий між Сходом і Заходом*, 392–409.

Как недавно показал в специальной статье Алексей Толочко, последовательность киевских митрополитов XI в., этот хребет церковной истории Руси, тоже предстает не без изъянов⁴⁶. И виной тому уже не церковное предание, а модерная научная традиция. Главным слабым звеном оказался митрополит Ефрем, помещаемый в 50-е гг. XI в. Упоминают его только новгородские летописные и каталогические тексты XV в. ПВЛ и все остальные собственно древнерусские источники о нем молчат. Ефрем попал в список митрополитов благодаря академической традиции видеть в поздних новгородских памятниках отражение древнейших киевских текстов. Толочко обосновывает несостоятельность такого подхода и изымает Ефрема из числа киевских архиереев XI в. Это позволяет выстроить более достоверную последовательность митрополитов и уточнить время пастырства Илариона и Иоанна I.

На момент написания этого текста готовилась к печати книга Ярослава Затылюка о “Церковном уставе князя Владимира”, где пересматриваются традиционные воззрения на происхождение текста⁴⁷. Исследователь предлагает новую схему редакций “Устава”, другие датировки и мотивы появления как отдельных редакций, так и памятника в целом. Затылюк связывает появление “Устава” с процессом усвоения византийского Номоканона (Кормчей) и оформлением юридического статуса Русской Церкви уже в монгольское время.

Пересмотр "Галицко-Волынского государства"

Еще в 90-е гг. XX в. в ходе возрождения досоветского и несоветского наследия украинской науки в оборот вернулась концепция “Галицко-Волынского государства”, возникшая в трудах украинских историков конца XIX - начала XX вв. Такое государство заполняло “лауну” между домонгольским и литовско-польским периодами и передавало эстафету государственности. В Галицкой и Владимирской землях XIII – середины XIV вв. пытались увидеть “правильное” государство: с административным устройством, столицей, системой наследования и т.п.

С 1290-х гг. галицко-волыньские территории погружались, по выражению Грушевского, "в киммерийскую тьму". И только редкие грамоты и сообщения соседских нарративов

⁴⁶ А. П. Толочко, “Замечания о первых митрополитах киевских”, *«Вертоград многоцветный»*. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори (Москва: Индрик, 2018): 73–90. DOI: [10.31168/91674-483-5.6](https://doi.org/10.31168/91674-483-5.6)

⁴⁷ Я. В. ЗАТЫЛЮК, *Устав Володимира: походження та історія* (в печати).

высвечивали отдельные события. За XIII в. биографию “государства” написать было легче. Главным подспорьем служила “Галицко-Волынская летопись” (ГВЛ).

В начале 2000-х гг. проект комментированного издания ГВЛ предпринял Николай Котляр⁴⁸. В основе классического издания Ипатьевской летописи 1908 г. лежал Ипатьевский список с подведенными вариантами из Хлебниковского – второй по древности копии памятника. Котляр опубликовал текст по Хлебниковскому списку, хотя и указал для привыкшего читателя даты годов из Ипатьевского списка, отсутствующие в Хлебниковском – оригинальная ГВЛ была лишена хронологии⁴⁹.

В 2020 г. по результатам шестилетнего проекта вышла монография, написанная коллективом исследователей⁵⁰ под редакцией Алексея Толочко – “Галицко-Волынская летопись. Текстология”. Это наиболее обширное на сегодня собрание текстологических и исторических замечаний к тексту хроники. Книга состоит из комментариев к отдельным фрагментам памятника, а также общих наблюдений об истории ГВЛ, которые помещены в предисловии. Издание сопровождается грамматическим указателем всех имеющихся в тексте словоформ⁵¹.

В историографии можно выделить три схемы сложения ГВЛ. Одна из них, построенная по шахматовским принципам и ярче всего выраженная Антоном Генсерским, представляла ГВЛ как пять-шесть “сводов”-редакций, каждая из которых вбирала в себя предыдущую. По другой гипотезе, сформулированной Николаем Котляром, ГВЛ была компендиумом отдельных “повестей” – таких же, как и своды, субъективно выделяемых текстов. Третья гипотеза была заложена Николаем Костомаровым и развита лингвистами во второй половине XX в. Согласно этой схеме наличный текст ГВЛ состоит из двух частей, условно - “галицкой” и “волынской”. Они предстают двумя совершенно разными произведениями, механически соединенными впоследствии.

⁴⁸ М. Ф. КОТЛЯР (ред.), *Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар* (Київ: Наукова думка, 2002).

⁴⁹ О ее происхождении см.: А. П. ТОЛОЧКО, “Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи”, *Paleoslavica* 13, no. 1 (2005): 81–108.

⁵⁰ Авторами комментариев стали: Алексей Толочко, Владимир Рычка, Вадим Ставиский, Петр Толочко, Катерина Кириченко, Ярослав Затылюк, Татьяна Вилкул, Вадим Аристов. О. П. ТОЛОЧКО (ред.), *Галицько-Волинський літопис: текстологія* (Київ: Академперіодика, 2020).

⁵¹ Составлен Ириной Юрьевой.

В отличие от предыдущих исследований, авторы книги не занимались восстановлением утраченных источников ГВЛ. Их задача заключалась в прослеживании формирования существующего текста. Для достижения цели использовались стандартные приёмы конъектуральной критики текста. "Медленное чтение" ГВЛ дало возможность выявить текстуальные слои и интерполяции и определить несколько "редакторских эпизодов" истории текста.

Главный вывод авторов следующий. Первая часть ГВЛ была создана во 2-й половине XIII в. по нарративным моделям хронографических произведений, вероятно, в черновом варианте. В конце 1280-х гг. она была продолжена второй частью. В 1290-х гг. весь текст был отредактирован и соединен с киевским летописанием. В таком виде он дошёл до нас в списках Ипатьевской летописи⁵².

Помимо узко текстологических наблюдений этот том содержит исторические разыскания, которые стали возможны благодаря источниковедческой работе. Приведем лишь нескольких примеров. Один из них – казус болоховских князей. Упоминания о них в сообщениях ГВЛ за 1230-е гг. давал почву для предположений об их древнем происхождении (как “потерянной ветви” Рюриковичей или неких местных “реликтовых” князей). Внимательное изучение текстологии этих упоминаний показало их вторичность в контексте домонгольских событий. Как доказали Владимир Рычка и Алексей Толочко⁵³, достоверные сведения о болоховских князьях относятся в 1240-50-м гг. Тем самым становится очевидной связь их появления с действиями монголов, а болоховские князья предстают как нововведение завоевателей на покоренных землях.

Другой пример касается представления о раннем возникновении Холмской епископии и временном существовании епископии в Угровске. Как показали разыскания, такой взгляд основан на некритическом прочтении списка владимирских епископов из ГВЛ. О епископии в Холме до рубежа XIII–XIV в. не может быть и речи. Угровская епископия вообще является недоразумением⁵⁴.

⁵² О. П. Толочко (ред.), *Галицько-Волинський літопис: текстологія*, 10–53.

⁵³ См. также специальную статью: В. РИЧКА, О. ТОЛОЧКО, "Князи Болоховьсьци", *Ruthenica* 13 (Київ, 2016): 83–107.

⁵⁴ См. также специальную статью: А. ТОЛОЧКО, "Основание Холмской епископии", *Palaeoslavica* 25, no. 1 (2017): 254–277.

В целом, коллективная монография оказалась собранием новых выводов не только о летописи, но и о галицко-волынской истории XIII в. На основе помещенных в книге исследований выстраивается иной и, как представляется, более обоснованный, рассказ об этом отрезке украинской средневековой истории.

Постоянный интерес учёных привлекает тема связей Галичины и Волыни с западными соседями: Польшей и Венгрией. В 2011 г. в Кракове была опубликована монография Виталия Нагирного о внешней политике княжеств галицко-волынских земель от захвата Романом Галича до смерти Даниила Романовича⁵⁵. Через три года увидела свет монография Мирослава Волощука о выходцах из Руси на территории Венгерского королевства⁵⁶. Благодаря этой работе в руках историков есть удобный просопографический каталог “прозванных рускими” (как достоверно пришедших из Руси, так и тех, чье “русское прозвище” могло не указывать на происхождение и объясняться другими причинами).

Древняя Русь в украинской исторической памяти

Не секрет, что тот же самый фрагмент прошлого может представать в до неузнаваемости отличных образах в разные эпохи. Так произошло и с Древней Русью. Взгляд на нее, закрепленный в трудах Грушевского и его последователей – отнюдь не единственный и далеко не первый. На протяжении предыдущих столетий украинские образованные элиты по-разному воображали Русь и свою связь с ней (или отсутствие таковой). Исследование таких представлений составляет одно из весомых достижений современной украинской историографии.

В 2004 г. в институте истории Украины вышел коллективный двухтомник “Россия и Украина в исторической ретроспективе”. Ряд глав был посвящен киево-русскому наследию в украинской исторической мысли XIX века⁵⁷. Их автором стал Алексей Толочко. Это исследование легло в основу изданной в 2012 г. книги “Киевская Русь и Малороссия в XIX веке”⁵⁸. В ней автор показывает как на протяжении “длинного XIX

⁵⁵ VITALIY NAGIRNYI, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011).

⁵⁶ М. ВОЛОЩУК, *“Русь” в угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції* (Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014).

⁵⁷ О. П. ТОЛОЧКО, “Киево-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст.”, *Україна і Росія в історичній ретроспективі*. Т. 1. (Київ: Інститут історії України, 2004): 250–350.

⁵⁸ А. П. ТОЛОЧКО, *Киевская Русь и Малороссия*.

века” происходило освоение истории Киевской Руси украинскими интеллектуалами. Главная идея книги состоит в том, что лишь присоединение к “короткой” малороссийской истории древнерусского “начала” превратило ее в “длинную” украинскую историю. Создание украинского национального нарратива связано с Михаилом Грушевским и его монументальной “Историей Украины-Руси”. Алексей Толочко предлагает вынести за скобки кажущуюся естественность принадлежности Руси к украинской истории. Его отправным пунктом служит конец XVIII в., когда в многочисленных малороссийских текстах четко вырисовывался образ отечественной истории, который начинался с зарождения казачества и имел узкий территориальный охват. Однако в процессе российского “открытия Украины” в первой половине XIX в. как “своей античности”, “собирания старины” малороссийскими патриотами, по мере путешествий-“паломничеств” образованных людей по недавно присоединенным к Российской империи территориям с Киевом во главе, начинает возникать идея о целостности того, что вскоре окажется украинскими этническими землями⁵⁹.

Вместе с этим, вставал вопрос о связи древнерусской истории с малороссийской. Алексей Толочко анализирует известную полемику между Михаилом Погодиным и Михаилом Максимовичем об этнической принадлежности древнего Киева и “Южной Руси” (малороссийской или великорусской). Он демонстрирует некорректность позднейших интерпретаций этого спора, в которых Максимович оказывался защитником украинского средневековья от великодержавных посягательств. На деле, Максимович отстаивал единство Малороссии и Великороссии как двух неотъемлемых частей Руси, а Погодин фактически выдвигал идею самостоятельности украинской истории (пусть и без Киевской Руси)⁶⁰.

Символическому осмыслению Киева как второго Иерусалима в древнерусское время и последующие века посвящена книга Владимира Рычки⁶¹. Другая важная в этом контексте монография ученого прослеживает образы равноапостольного князя Владимира от средневековья до современности⁶².

⁵⁹ А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 11–133.

⁶⁰ А. П. Толочко, *Киевская Русь и Малороссия*, 207–235.

⁶¹ В. М. Ричка, *«Київ – Другий Єрусалим»: з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі* (Київ: Інститут історії України, 2005).

⁶² В. М. Ричка, *Святий рівноапостольний князь Володимир Святий в історичній пам'яті* (Київ: Видавничий дім “Скіф”, 2012).

Конструирование памяти про Владимира и инструментализацию святого князя и Руси в целом в украинских раннемодерных текстах, а также “воспоминание” древнерусской истории в эту эпоху плодотворно исследует Ярослав Затылюк⁶³. Его работы наглядно показывают прагматизм, с которым средневековая Русь использовалась представителями православной Церкви и светской элиты: как в Речи Посполитой, так и в государстве Войска Запорожского. Появление грамот-фальсификатов, “открытие” мощей Владимира, конструирование схем истории “с участием” Киевской Руси – все это служило обоснованию прав (сословных / институциональных привилегий или собственнических прав) и формированию идентичностей.

В этом разделе очерка нельзя не упомянуть о таком важном археографическом событии, как издание в гарвардской серии “Густынской летописи” – ключевого памятника украинской историографии XVII в., осуществленное Алексеем Толочко⁶⁴.

За первое двадцатилетие нынешнего века украинские исследования Древней Руси окончательно оформились в самостоятельную дисциплину со своей институциональной структурой, разрастающимся сообществом и неповторимым почерком. В непростых внешних, публичных, и внутрицеховых условиях это сообщество сохранило верность научным принципам. Вместе взятые, работы украинских историков 2000–2020 гг. выводят изучение Руси на качественно новый уровень, соединяя интеллектуальную отвагу и профессионализм. Украинская киеворусистика доказала, что может и будет не перенимать, а задавать исследовательскую повестку дисциплины в целом. Наконец, достижения украинской историографии 2000–2020 дают возможность построить принципиально новые нарративы о Древней / Киевской Руси.

⁶³ Я. В. ЗАТИЛЮК, “Підроблена грамота князя Романа Мстиславича Києво-Печерському монастирю: текст, джерела та «пам'ять» про киево-руське минуле її творців (перша половина XVII століття)”, *Київська академія* 5 (2008): 102–113; Я. В. ЗАТИЛЮК, “Грамота Андрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю”, *Ruthenica* 7 (2008): 215–236; Я. В. ЗАТИЛЮК, “Давньоруська історія на службі у київських церковних ієрархів середини – другої половини XVII століття: політична риторика і статус митрополії”, *Український історичний журнал*, по. 6 (2012): 40–56; Я. В. ЗАТИЛЮК, “Хрещення Русі князем Володимиром: конструювання історичної оповіді та її доповнення православними книжниками XII–XVI ст.”, *Український історичний журнал*, по. 1 (2014): 40–58; Я. В. ЗАТИЛЮК, “«Мощі» князя Володимира у посольствах київських церковних ієрархів до Москви XVII століття”, *Україна в Центрально-Східній Європі* 15 (2015): 165–191; Я. В. ЗАТИЛЮК, “От безымянных руин к православному Сиону: “места памяти” Руси-Украины XVII–XVIII вв.”, in А. В. ДОРОНИН (ред.) *“Места памяти” руси конца XV – середины XVIII вв. Сборник статей* (Москва: Политическая энциклопедия, 2019): 350–377.

⁶⁴ OLEKSIY TOLOCHKO (ed.), *The Hustynja Chronicle* (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. – Volume XI). (Harvard Ukrainian Research Institute, 2013).

References

F. ANDROSHCHUK, V. ZOTSENKO, *Skandynavs'ki starozhytnosti Pivdennoi Rusi: katalog* [Scandinavian Antiquities of the Southern Rus: Catalogue] (Paris: ACHC Byz, 2012).

FEDIR ANDROSHCHUK, *Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035* (Kyiv: Laurus, Paris: ACHC Byz, 2016).

FEDIR ANDROSHCHUK, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)* (Uppsala: Uppsala Universitet, 2013).

V. IU. ARISTOV, *Aleksei Shakhmatov i rannee letopisanie: metod, skhema, traditsiia* [Aleksei Shakhmatov and Early Chronicle Writing: Method, Scheme and Tradition] (Kyiv: Laurus, 2018).

JANOS BAK, PATRICK GEARY AND GABOR KLANICZAY (eds.), *Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteen-Century Europe* (Leiden; Boston: Brill, 2014). DOI: [10.1163/9789004276819](https://doi.org/10.1163/9789004276819)

O. FYLYPCHUK, *Studia Byzantino-Rossica. Ekspansii, vyna ta sotsial'ni zminy* [Studia Byzantino-Rossica. Expansion, War and Social Changes] (Chernivtsi: Knyhy – XXI, 2013).

O. FYLYPCHUK, *Zabutyi sviaty: kniaz' Volodymyr Velykyi mizh Skhodom i Zakhodom* [The Forgotten Saint: Volodymyr the Great between East and West] (Kyiv: Laurus, 2020).

Historians, May 10, 2018, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2462-kolektivne-zvernennya-istorikiv-shchodo-proyaviv-akademichnoji-nedobrochesnosti-v-disertatsiji-i-v-derev-yanko> (Accessed June 30, 2021).

Historians, October 02, 2019, <http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/2669-vidguk-na-disertatsiyu-na-zdobuttya-naukovogo-stupenyu-doktora-istorichnikh-nauk-yushchenka-petra-andrijovicha-kievoruska-spadschchina-v-istorichnij-pam-yati-ukrajinskogo-suspilstva-khii-pochatok-khkhii-st> (Accessed June 30, 2021).

G. KASIANOV, *Past Continuous: istorychna polityka 1980-kh - 2000-kh. Ukraina ta susydy* [Past Continuous: Historical Policy in the 1980s – 2000s. Ukraine and its Neighbors] (Kyiv: Laurus, 2018).

K. V. KYRYCHENKO, “Istoriya Velykoho kniazivstva Lytovy'koho v ukrains'kyi istoriografii 1991 – 2003/4: osnovni tendentsii” [The History of the Grand Duchy of Lithuania in Ukrainian historiography 1991 – 2003/4: Main Tendencies], *Ruthenica* 4 (2005): 215–229.

M. F. KOTLIAR (ред.), *Halyts'ko-Volyns'kyi litopys: Doslidzhennia. Tekst. Komentar* [Galician-Volhynian Chronicle: Study, Text, Commentary] (Kyiv: Naukova dumka, 2002).

N. F. KOTLIAR, *Udel'naia razdroblennost' Rusi* [Political Fragmentation of Rus] (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2013).

VITALIY NAGIRNYI, *Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198 (1199) – 1264* [Foreign Policy of Galician and Volhynian Principalities in 1198 (1199) – 1264] (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2011).

SERHII PLOKHY, *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the writing of Ukrainian history* (Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005). DOI: [10.3138/9781442682948](https://doi.org/10.3138/9781442682948)

V. M. RYCHKA, «Kyiv – Druhyi Ierusalym»: z istorii politychnoi dumky ta ideolohii seredniovichnoi Rusi [‘Kyiv – the Second Jerusalem’: on the History of Political Thought and Ideology of Medieval Rus] (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2005).

V. M. RYCHKA, *Sviaty rivnoapostol'nyi kniaz' Volodymyr Sviaty v istorichniy pamiaty* [Saint Equal-to-Apostles Prince Volodymyr in Historical Memory] (Kyiv: Skif, 2012).

- V. M. RYCHKA, O. TOLOCHKO, "Kniazі Bolokhov'stsii" ['Bolokhovo Princes'], *Ruthenica* 13 (2016): 83–107.
- A. P. TOLOCHKO (red.), *Halyts'ko-Volyns'kyi litopys: tekstologija* [Galician-Volhynian Chronicle: Textology] (Kyiv: Akadempriodyka, 2020).
- A. P. TOLOCHKO, "Istoriia Rossiiskaia" Vasiliia Tatishcheva: *Istochniki i izvestiia* [Vasiliy Tatischev's 'Russian History': Sources and Information] (Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie; Kyiv: Krytyka, 2005).
- A. P. TOLOCHKO, *Kievskaia Rus' i Malorossia v XIX veke* [Kyivan Rus and Malorossiya in the Nineteenth Century] (Kyiv: Laurus, 2012).
- A. P. TOLOCHKO, *Kratkaia redaktsiia Pravdy Ruskoї: proiskhozhdenie teksta* [The Short Redaction of the Pravda Ruskaia: Origin of the Text] (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2009).
- A. P. TOLOCHKO, *Ocherki nachal'noi rusi* [Studies on Early Rus] (Kyiv: Laurus, 2015).
- A. P. TOLOCHKO, "Osnovanie Kholmскої episkopii" [The Foundation of Kholm Bishopric], *Palaeoslavica* 25, no. 1 (2017): 254–277.
- A. P. TOLOCHKO, "Proiskhozhdenie khronologii Ipat'evskogo spiska Galitsko-Volynскої letopisi" [The Origin of the Chronology of the Hypatian Copy of the Galician-Volhynian Chronicle], *Paleoslavica* 13, no. 1 (2005): 81–108.
- A. P. TOLOCHKO, "Voobrazhennaia narodnost'" [Imagined Ethnos], *Ruthenica* 1 (2002): 112–117.
- A. P. TOLOCHKO, "Zamechaniia o pervykh mitropolitakh kievskikh" [Notes on the First Kyiv Metropolitans], «*Vertograd mnogotsvetnyi*». *Sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori* (Moskva: Indrik, 2018): 73–90. DOI: [10.31168/91674-483-5.6](https://doi.org/10.31168/91674-483-5.6)
- O. P. TOLOCHKO, "Kyievo-rus'ka spadshchyna v istorychniy dumtsi Ukrainy pochatku XIX st." [The Legacy of Kyivan Rus in Historical Thought in Ukraine in the Early Nineteenth Century], in *Ukraine and Russia in historical retrospective*. Vol. 1. (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2004): 250–350.
- OLEKSIY TOLOCHKO, "On Nestor the Chronicler", *Harvard Ukrainian Studies* 29, no. 1-4 (2007): 31–59.
- OLEKSIY TOLOCHKO (ed.), *The Hustynja Chronicle* (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. – Volume XI). (Harvard Ukrainian Research Institute, 2013).
- OLEKSIY TOLOCHKO, "The Primary Chronicle's 'Ethnography' Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State", in *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*, ed. Ildar Garipzanov, Patrick Geary, Przemysław Urbanczyk (Brepols Publishers, 2008), 169–186. DOI: [10.1484/M.CURS0R-EB.3.3240](https://doi.org/10.1484/M.CURS0R-EB.3.3240)
- O. TOLOCHKO, N. IAKOVENKO, "Potrapili v istoriiu" [Got into History], *Kritika*, no. 7-8 (2006).
- P. P. TOLOCHKO, *Davniorus'ki litopisy i litopistsi X–XIII st.* [Old Ruthenian Chronicles and Chroniclers of the 10th – 13th Centuries] (Kyiv: Naukova dumka, 2005).
- P. P. TOLOCHKO, *Drevnerusskaia narodnost': voobrazhaemaia ili real'naia* [Old Ruthenian Ethnos: Imagined or Real] (SPb.: Aleteia, 2005).
- P. P. TOLOCHKO, *Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv.* [Russian Chronicles and Chroniclers of the 10th – 13th Centuries] (SPb.: Aleteia, 2003).
- T. V. VILKUL, *Litopys i khronohraf. Studii z tekstolohii domonhol's'koho kyivs'koho litopysannia* [Chronicle and Chronograph. Studies on the Textual Criticism of the Pre-Mongol Kyivan Chronicle Writing] (Kyiv: Instytut istorii Ukrainy, 2015).

T. V. VILKUL, *Liudi i kniaz' v drevnerusskikh letopisiakh serediny XI-XIII vv.* [People and Prince in Old Ruthenian Chronicles of the mid-11th – 13th Centuries] (Moskva: Kvadriga, 2009).

M. VOLOSHCHUK, *"Rus'" v uhors'komu korolivstvi (XI – druga polovyna XIV st.): suspil'no-politychna rol', maynovi stosunky, mihratsii* ['Rus'' in the Hungarian Kingdom (11th – Second Half of the 14th Century): Socio-Political Role, Property Relations, Migrations] (Ivano-Frankivs'k: Lileia-NV, 2014).

IA. V. ZATYLIUK, "Davniorus'ka istoriia na sluzhbi u kyivs'kykh tserkovnykh iierarkhiv seredyny – druhoi polovyny XVII stolittia: politychna rytoryka i status mytropolii" [Old Ruthenian History in Service of Kyiv Church Hierarchs of the Middle – Second Half of the 17th Century: Political Rhetoric and the Status of the Metropolitanate], *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*, no. 6 (2012): 40–56.

IA. V. ZATYLIUK, "Hramota Andriia Boholiubs'koho Kyievo-Pechers'komu monastyriu" [Charter of Andriy Bogoliubskiy to Kyiv-Pechera Monastery], *Ruthenica* 7 (2008): 215–236.

IA. V. ZATYLIUK, "Khreshchennia Rusi kniazem Volodymyrom: konstruiuvannia istorychnoi opovidi ta ii dopovnennia pravoslavnyimi knyazhnykamy XII–XVI st." [Christianization of Rus' by Prince Volodymyr: the Constructing of the Historical Narration and its Amendment by the Orthodox Bookmen of the 12th – 16th Centuries], *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*, no. 1 (2014): 40–58.

IA. V. ZATYLIUK, "«Moshchi» kniazia Volodymyra u posol'stvakh kyivs'kykh tserkovnykh iierarkhiv do Moskvyy XVII stolittia" [Prince Volodymyr's 'Relics' in the Legations of Kyiv Church Hierarchs to Moscow in the 17th Century], *Ukraina v Tsentral'no-Skhidny Ievropi* 15 (2015): 165–191.

IA. V. ZATYLIUK, "Ot bezymiannykh ruin k pravoslavnomu Sionu: "mesta pamiaty" Rusi-Ukrainy XVII–XVIII vv." [From Anonymous Ruins to the Orthodox Sion: 'Places of Memory' of Rus'-Ukraine in the 17th – 18th Centuries], in A. V. DORONIN (red.) *"Mesta pamiaty" rusi kontsa XV – serediny XVIII vv. Sbornik statei* (Moskva: Politicheskaya entsyklopediia, 2019): 350–377.

IA. V. ZATYLIUK, "Pidroblena hramota kniazia Romana Mstyslavycha Kyievo-Pechers'komu monastyriu: tekst, dzherela ta «pam'iat'» pro kyievo-rus'ke mynule ii tvortsiv (persha polovyna XVII stolittia)" [Falsified Charter of Prince Roman Mstyslavych to Kyiv-Pechera Monastery: Text, Sources and 'Memory' of its Creators about Kyivan-Ruthenian Past], *Kyivs'ka akademiia* 5 (2008): 102–113.

IA. V. ZATYLIUK, *Ustav Volodymyra: pokhodzhennia ta istoriia* [Statute of Volodymyr: Origin and History] (forthcoming).